

В конце августа – начале сентября 2006 года в Баян-Ульгийском и Ховдском аймаках Монголии побывала группа алтайских учёных. Её возглавлял руководитель фонда «Алтай – XXI век», профессор, заместитель директора Института дизайна и архитектуры АлтГТУ Михаил Шишин. Он регулярно контактирует с монгольской стороной с 1997 года.

Основная задача данной экспедиции – проведение краткосрочных методических курсов для преподавателей русского языка Ховдского аймака. В составе группы были также кандидат

филологических наук, старший преподаватель АлтГУ Елена Макарова, семейная пара – Александр и Софья Белокуровы, более года преподававшие русский язык в Ховдском университете и местной школе.

Участники экспедиции встречались с руководителями и ответственностью регионов соседней страны, знакомились с историей, культурой и бытом монголов. Со многими представителями управленческой, научной и художественной элиты, бизнес-сообщества мы разговаривали на русском языке.

БОЖЕСТВЕННАЯ КРАСОТА

Первое, что удивляет в Монголии, – это немислимые ландшафты. Они попросту поражают воображение.

На первый взгляд, горы, лишённые леса, кажутся безжизненными. Их склоны покрыты верблюжьей колючкой-караканом да редкой жёсткой травой, не имеющей аналогов в Сибири. И лишь изредка, в поймах рек и в укромных низинах, можно видеть скромные оазисы, украшенные тополями, кустарниками и травяным покровом. Но именно в этих «лунных» пейза-

жах и кроется особенная красота природы Западной Монголии.

Вообще трудно свыкнуться с мыслью, что это – те же самые Алтайские горы, в которых живёт часть населения российских территорий – Алтайского края и Республики Алтай. Монгольский Алтай, как, впрочем, и китайский, будет посуровей, чем российский. Они просто другие.

Возможно, глаз сибиряка, привыкший к природному многообразию, попросту не видит того, что замечает зоркий прищур монгола.

Губернатор Ховдского аймака Нямдаваа, доктор географических наук, в своё время окончивший Иркутский университет, показывал мне собственную коллекцию фотографий. Оказалось, что скромная природа аймака – негласной столицы Западной Монголии, тяготеющей к России, богата и зверьём, и птицами, и цветами. Наверно, их просто поменьше, чем, к примеру, в Горном Алтае, но всё же они есть: и кедры, и рододендроны, и снежные барсы, и сурки-тарбаганы. Здесь, в долинах бурных рек и громадных озёр, люди уже несколько столетий выращивают фрукты, овощи, арбузы, дыни. Выглядят эти плоды и бахчи скромно. Например, из местных яблок – только ранетки и полукультурки, да и арбузы с дыньками невелики размерами, но очень вкусны.

В 2005 году Михаил Шишин привозил в Ховдский аймак группу российских художников и тележурналистов. Те были в неописуемом восторге от великолепных монгольских ландшафтов. Наш водитель УАЗика-«санитарки» Виктор Яцук сопровождал их и в той поездке.

Так вот, он вспоминал, что едва ли не каждые пять минут пути они просили притормозить, чтобы снять пейзаж.

Смею утверждать, что такого невероятного сочетания естественных красок трудно найти где-либо ещё на нашей планете. Наши монгольские друзья-художники Гамбаатор и Гантулга, с которыми мы много общались, объясняли этот парадокс, во-первых, условиями высокогорья, а во-вторых, отсутствием серьёзного техноген-

ного воздействия на природу. Картины дополняют и горные ветры, несущие причудливые облака.

В один из дней я в течение часа на берегу реки Ховд снимал расцвет на цифровой фотоаппарат с одной и той же точки. И оказалось, что ни один кадр не был похож на другой. Утреннее солнце всякий раз по-иному подсвечивало величественные облака, абрис горных склонов, изгибы речного берега. И картина являлась иной – по фактуре и насыщенности цветовой гаммы. Никогда и нигде прежде мне не доводилось видеть столь колоритной картины утра, хотя бывал в разных краях. Особенно поразили монгольские нюансы красного и синего цветов. Кажется, их просто бесчисленное количество: от бледно-розового до багрового, от застиранно поднебесного до индиго.

Губернатор Нямдаваа подарил мне фотоальбом о его родном крае.

Поначалу у меня вызвали сомнение некоторые отснятые сюжеты с насыщенным синим цветом. Подумалось, что это компьютерные штучки. Но созерцание первого же монгольского заката напрочь опровергло эти подозрения. Глаз воспринял те же картины, что зафиксированы на страницах фотоальбома. Оказалось, что в момент, когда солнце спряталось за горы так, что его лучи уже не подкрашивали тучи, небо, действительно, заливается бархатным тёмно-синим колером.

Вообще закат в горах всегда внезапен и безумно восхитителен. От перемен захватывает дух. Потому что за считанные минуты, в какую-то четверть часа, день сменяется ночью. В этот

короткий отрезок времени даже люди, лишённые фантазии, становятся поэтами. Ибо лицезреют невероятное смещение неба, гор и облаков. Которые одновременно как бы отдаляются и сливаются друг с другом, подсвечиваемые сначала солнечным огрызком,

потом – его нежаркими и уже невидимыми лучами, а под конец – синим-синим внутренним свечением бездонного монгольского неба. В такой миг вовсе не кажется чем-то невероятным единство подземного, земного и небесного начал.

КОБДОССКАЯ КРЕПОСТЬ

Каюсь: когда собирался ехать в Монголию, очень хотел попасть в город Кобдо. Но в визе был обозначен Ховд. Однако такого города я почему-то не обнаружил на географических картах, выпущенных в СССР и в современной России.

Было обидно, тем более что о Кобдо я многое разузнал. Оказалось, что там в XIX и начале XX веков вели бойкую торговлю бийские купцы Ассанов, Васенёв, Морозов, Антропов, Минин, Бодунов и другие. Они доставляли в Западную Монголию по выючному Чуйскому тракту продукты питания и промышленные товары, вывозя в Россию кожевенное сырьё, шерсть и меха. Между прочим, торговали умело, раз не только потеснили, но и вытеснили из Кобдо бойких китайских коллег.

Также купцы- «чуйцы» содействовали снаряжению научных экспедиций, сопровождали их в качестве проводников и переводчиков, выполняли различные поручения учёных, собирали экспонаты и целые коллекции для музеев России. В дневниках и научных отчётах экспедиций Пржевальского, Потанина, Позднеева, Козлова и других русских востоковедов можно встретить

слова благодарности бийским купцам «за помощь и содействие».

К примеру, Николай Ассанов вывез из Монголии 53 жеребёнка лошади Пржевальского. Они-то и составили ту основную группу животных, от которой ведут сейчас своё происхождение все ныне живущие в зоопарках мира лошади этой породы.

Между прочим, в 1901 году Российская императорская академия присвоила бийчанину Николаю Ассанову звание члена-корреспондента Академии наук – единственному из всех сибирских купцов. А в 1905-1906 годах, когда в Монголии свирепствовала оспа, он распорядился провести вакцинацию среди монгольского населения и тем самым спас немало людей.

Большой вклад в изучение Монголии и Китая внес также бийский купец второй гильдии Алексей Васенёв. Он обошёл во главе торговых караванов всю Монголию и ряд провинций Китая. Во время своих увлекательных путешествий купец вёл путевые дневники, собирал коллекции, проводил географические и метеорологические наблюдения, описывал исторические достопримечательности. Одну из таких коллекций в 1908 году

Васенёв подарил Томскому университету.

...А загадка с Кобдо – Ховдом оказалась простой: то, что в русской транскрипции звучит как «кобдо», по-монгольски обозначается «ховд». Только буква «х» заменена на «к», и в конце слова добавлена буква «о».

Мне довелось слышать минимум три значения этого слова. Далхжав, бывший директор Ховдского музея, рассказывал, что по легенде один богатый купец, переправляясь через реку Ховд, уронил в воду посуду для хранения денег (что-то типа русской керамической шкатулки). А любая посуда для хранения по-монгольски называется «ховд». Художник Гамбаатор утверждал, что это слово означает «упаковка» – город, расположенный в долине, словно упакован окружающими его серебристыми горами. А преподаватель Ховдского университета Тассрин подчеркивал, что «ховд» – это «жёлоб».

О древности этого торгового города, основанного в 1742 году на перекрёстке больших дорог, ведущих в Улан-Батор, Синьцзян, Пекин и Россию, сегодня напоминают развалины Кобдосской кре-

пости на его современной окраине. Это величественное сооружение (периметр каждой стены составлял 400 метров, высота – четыре, ширина – полтора метра) было возведено маньчжурами из необожжённого кирпича, что не помешало ему неплохо сохраниться до сего дня.

Далхжав показывал мне план старой крепости. На ней обозначены дворец хана, жилые дома, казармы, арсенал, конюшни и монастырь. В начале прошлого века внутри Кобдосской крепости располагался двухтысячный маньчжурский гарнизон. Днём её взятия после двухмесячной осады считается 6 августа 1912 года. Монголам удалось тараном разрушить ворота и изгнать завоеватель с территории аймака.

Кобдо пережил все те события, которые происходили в Монголии: завоевание в середине XVIII века Цинской империей, полтора вековое китайское иго, освобождение от маньчжуров в начале прошлого века, тесное сотрудничество с СССР на правах второй социалистической державы мира, спешное оставление в 1990-х годах российскими партнёрами.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Прощальный ужин перед отъездом из города Ховда был устроен на берегу реки. Чистая зелёная лужайка радовала глаз. Нигде – ни на склоне, ни в воде, ни среди живописных камней – не виднелось ни обрывка бумаги, ни пресловутого целлофана, никакого иного мусора. А бродившие у берегового уреза игривые ячата –

детеныши яков (издали они похожи на телят с пышными конскими хвостиками) – лишь дополняли идиллию дружеского пикника.

Буквально метрах в пятидесяти от нашей компании монгольская семья по каким-то причинам меняла место обитания. Я, не выказывая подлинного интереса, внимательно наблюдал,

как это происходит. Пока мальчишки-подростки разбирали юрту, их отец привычно крепил довольно громоздкие её детали в мотоциклетной коляске «Ижа». Потом споро куда-то уезжал с одним из сыновей.

Так, в три-четыре приёма были вывезены юрта со всем скарбом и многочисленные члены семьи. Весь переезд занял меньше часа.

Наши монгольские друзья утверждали, что разобрать юрту можно минут за 10-15. Таким будничным способом монгольские семьи решают проблему переселения.

Удивительно, но в этой стране, где в семьях растёт не менее четырёх детей, давным-давно решена жилищная проблема. Та, которую так и не смогли решить ни в СССР, ни в современной России. Сейчас Монголия – это государство с относительно молодым населением. Которое, повторяю, имеет крышу над головой.

Крышей является традиционная юрта. Входя в неё, удивляешься, во-первых, её удивительной практичности, рациональности размещения в ней мебели, скарба, одежды, продуктов, словом, всего, что имеют огромные, по нашим меркам, монгольские семьи.

К примеру, в одной из поездок по Ховдскому аймаку мы познакомились с семьёй аратов, имеющей десять детей. Как дюжина монголов размещалась в юрте – это так и осталось для меня тайной. Центральное место в ней занимает очаг, всё остальное расставлено по окружности юрты, вдоль стен. Ничего лишнего, громоздкого, многие предметы – складные, приспособленные для кочевой жизни.

Не меньшее наше удивление вызвала совместная работа семьи. Все, за исключением самых младших, были как раз заняты дойкой коз.

Животные послушно выстроились рядами так, что казалось, будто они скреплены рогами. Если же приглядеться, то оно так и есть: на рога наброшены бечёвки. Почти всё выдоенное молоко тут же перерабатывается в творог и сыр, пригодные к длительному хранению. Вековая практика выучила монголов хранить не только молочные продукты, но и хлебные изделия и даже мясо.

Юрту кочевников можно видеть не только в степи или в горах, где обитают араты-скотоводы. Это удивительное сооружение из прочного, тёплого войлока, складных деревянных решёток, съёмных дверей и верха имеется в каждой сельской семье, а зачастую и у горожан. Например, во дворе гостиницы, рядом со школой и даже со зданием партийного органа аймака. Мне поясняли, что в них живут семьи, обслуживающие эти помещения. И ещё их любят снимать путешественники.

Традиционное войлочное жилище монголов размещается и в их частных усадьбах. Как правило, наряду с капитальными строениями: приземистыми одноэтажными домами. Их изготавливают из больших необожжённых глиняных кирпичей, которыми также огораживают усадьбу. Примечательно, что у многих таких домов либо попросту отсутствуют крыши (плоский потолок плотно укрывают всё теми же густо обмазанными глиной кирпичами, предварительно устроив

сливы для дождевой воды), либо они возводятся приземистыми, едва возвышающимися над стенами. В строительстве используется минимум деревянных изделий: лишь для изготовления дверей, окон, потолочных перекрытий и крыш. Но в то же время можно видеть роскошные деревянные заплоты.

Зимы в Западной Монголии суровые. Однако саманные дома, как и юрты, прекрасно держат тепло очага. Монгольские металлические сварные печи, как утверждают специалисты, универсальны и имеют очень высокий КПД. Для отопления и пищеприготовления используется преимущественно аргал – высушенный навоз.

Сущим откровением для досужих путешественников являются суперсовременные новинки в патриархальном быте монгольской семьи. Нередко рядом с юртой можно видеть серебристые пластины солнечных батарей. Они производятся в соседнем

Китае и стоят недорого: около полутора тысяч российских рублей, однако позволяют существовать автономно. Также «писком» моды монгола являются телевизионные тарелки.

...По окончании пикника я намеренно подошёл к месту, где совсем недавно стояла юрта. О жизнедеятельности напоминал лишь тёмный круг на земле. Никаких отбросов, мусора, естественных отходов!

Так называемая европейско-американская цивилизация гордится достигнутым уровнем бытового комфорта. Но «общество потребления» буквально утонуло в мусоре – масштабы свалок сравнимы с площадями, занятыми плодородной землей, а вред – с последствиями ядерных взрывов. Современный европеец или американец слишком зависим от «благ цивилизации», включая электричество и водоснабжение.

Возможно, монголы – люди новой, экологической цивилизации?

НЕ ДОРОГИ – НАПРАВЛЕНИЯ

Дорог в Монголии нет. Есть направления. Точнее, дорог много, но они (как бы это сказать помягче) – неблагоустроены.

Плохи дороги даже на так называемых приоритетных направлениях – например, к границе с Россией или к Улан-Батору. Впрочем, выражаясь нашими терминами, Монголия несколько лет назад тоже объявила национальный проект: строительство так называемой дороги тысячелетия. Но провинциалы мудро замечают по этому поводу, что и возво-

дится она будет не менее тысячи лет.

Скепсис, вероятно, связан с тем, что дорога должна связать их страну с Китаем, что западные монголы не очень-то приветствуют.

Наши проводники в пути ориентируются не столько по колеям, сколько по ледникам, снежникам и очертаниям горных вершин.

Однако и это не избавляет от ошибок. Не раз даже с опытными гидами мы сбивались с намеченного маршрута. Особенно трудно

ориентироваться в дороге после заката и ночью.

Но есть профессиональные таксисты, которые без проблем доставляют пассажиров в российскую Ташанту, Улан-Батор или в китайский Урумчи. Самая короткая из этих дорог – в Россию – занимает два-три дня. В зависимости от спешности. Говорят, что в УАЗик-«санитарку» иногда размещается более двадцати человек. Правда, в этом случае багаж крепится на крыше автомобиля.

Нам повезло: в самый канун нашей поездки по всей Западной Монголии прошли хорошие дожди. Пыль, конечно, была, но она в первые дни нашего пребывания в стране особенно не докучала. Лишь стелилась плотным пологом за автомобилем. Встречные машины в дороге встречались редко по причине их малочисленности. Да и разъехаться с ними в необъятных горных долинах, покрытых преимущественно мелким песчаником, легко.

Я долго не мог понять объяснений знающих людей, зачем некоторые рыночные торговцы носят марлевые повязки на лице. И сначала меня вполне удовлетворило объяснение, что таким образом оберегают себя люди, страдающие аллергией. Однако потом выяснилось, что это – единственное спасение от пыли.

Как-то в канун отъезда из Монголии, рано утром, я помчался с фотоаппаратом на берег реки, чтобы запечатлеть чудный рассвет.

Возвращался в гостиницу ослабленный, предчувствующий скорое расставание. Забрёл на окраинные городские улицы Ховда, на которых отсутствует не

только асфальт, но и какая-либо зелень.

Встречные машины на зажатых глинобитными заборами улицах поднимали вулканы мелкой всепроникающей пыли, которая в безветренную утреннюю пору стояла серой пеленой. Взобравшись на возвышение, я увидел, что весь город покрыт плотной завесой, что, однако, не мешало блистать яркому солнцу в чистом-пречистом небе...

Самым тяжёлым испытанием было наше возвращение к монголо-российской границе. К тому времени почва уже подсохла от дождей, и пыль просто оккупировала наш уазик. Спешное затыкание щелей ничего не дало: мельчайшая, словно мука или цемент, пыль всепроникающая. Почему-то её не выдувают даже сквозняки, устраиваемые в салоне.

УАЗ – самая популярная машина в Монголии. Стоит она, по местным меркам, очень дорого: как и в России – около 270 тысяч рублей. Но доходы в Монголии вдвое ниже. Многие семьи стремятся совершить эту вожделенную покупку, экономя буквально на всём, выращивая коз и продавая пух китайцам на пуховики.

А вот запчасти к этой машине на рынке можно купить буквально за копейки. Один из торговцев автозапчастями на центральном рынке Ховда, окончивший в 1986 году Одесское танковое училище, объяснял этот феномен тем, что в России продавцы автозапчастей «слишком накручивают цены».

Сразу же после покупки УАЗа монголы «уделяют» его: приподнимают над землей, тем самым спасая от ударов об

дорожные камни. Проваривают угольниками пороги, укрепляют днище, тщательнейшим образом герметизируют салон, обязательно монтируют верхний люк, который единственно и способен вытягивать пыль из кабины. Причём монголы предпочитают покупать модификацию УАЗа не с металлическим, а с дермантиновым кузовом, что ука-

зывает на отсутствие автоворовства.

Иностранные джипы на монгольских дорогах чувствуют себя хуже, чем детище ульяновского автозавода, – не выдерживает ходовая часть. В городах можно видеть также иномарки. Они покупаются уже изрядно подержанными, сильно гремят и бесконечно ломаются.

ОН ЗНАЛ МАО, ЦЕДЕНБАЛА И БРЕЖНЕВА

– То, что я ходил с караваном в Россию, это уже кажется легендой, сказкой. Но это правда, – так начал свой рассказ 83-летний Лувсан, Герой труда Монголии.

Было тогда ему 18 лет. Однако юноше доверили руководить большим караваном верблюдов, гружённых подарками для красноармейцев. Работал Лувсан в ту пору ревсоргом сомона Манхан, или по-нашему – секретарём райкома монгольского комсомола.

Он помнит, что жители Западной Монголии, как собственную беду восприняли весть о нападении на СССР гитлеровской Германии. Летом-осенью 1941 года в Ховском аймаке организовали добровольный сбор подарков для храбрых воинов из СССР. Лувсан возглавил одноимённый комитет. Для доставки подарков по Чуйскому тракту в Бийск монголы отдавали своих лучших верблюдов. Также заготавливали сушёную баранину и говядину. Многие мужчины вышли на охоту, чтобы добыть в горах кабанов, маралов и антилоп. Женщины шили из овчин шапки и тёплые шубы, меховые варежки и сапо-

ги. Всё это делалось бесплатно, в добровольном порядке.

Тронулись в дальний путь 17 сентября 1941 года. Осенью все верблюды были сытыми и передвигались споро. В караване было 1200 вьючных животных, на которых и закрепили подарки для воинов Красной Армии.

Самые тяжёлые участки пути – преодоление перевала Чекет-Аман, горных рек и Чуйской долины. Особую трудность представлял гололёд. Ноги верблюдов, в отличие от лошадей, не имеют копыт, не приспособлены к передвижению по льду. Животные скользили на нём, их конечности были окровавлены и разбиты о камни и ледяные торосы. Чтобы верблюды не скользили, прямо в пути придумали для них «обувь»: обматывали ноги овчиной, войлоком и тряпьем, шили калоши из шкур и брезента. А когда караван вовсе не мог двигаться, клали под ноги шубы, куртки, ветки деревьев, доски.

Очень трудно далось и преодоление подвесного моста в Усть-Семе на Катунь, название которой по-монгольски звучит как Катын

– «леди», «красивая женщина». Упрямые животные никак не хотели идти по раскачивающемуся настилу. Также сложно было преодолеть ледяное русло Ини и устье Чуи.

Я интересовался у Лувсана, были ли случаи гибели верблюдов? Но он отвечал, что у караванщиков не принято говорить о падеже вьючных животных. Однако признался, что приходилось перекладывать груз с погибших на других верблюдов. Потому что главной целью было довести все подарки фронтовикам-красноармейцам.

В мае 2005 года, когда Лувсан вновь ехал в Алтайский край на празднование 60-летия Победы над фашистами, преодолеть Чекет-Аман удалось на автомобиле за два часа, а зимой 1942-1943 годов на это потребовалось десять суток. В зимних горах за день удавалось пройти 25-30 километров. Для этого приходилось подниматься до зари и разжигать вечерний костёр под казаном лишь в вечерних сумерках.

На всю жизнь запомнилось караванщику гостеприимство русских, алтайцев и казахов из Горно-Алтайской автономной области. Жители посёлков, располагавшихся у Чуйского тракта и скотопрогонной тропы, чем могли, помогали монголам. Отогревали в деревянных избах закутанных в шубы, похожих на медведей путешественников, кормили и поили их. А животным каждый вечер давали берёзовые ветки длиной до двадцати сантиметров. Монголы знали, что этого корма достаточно, чтобы выносливые верблюды утром продолжили трудный путь.

В Бийск прибыли в суровом феврале 1942 года. Караванщики доставили советским воинам пять тысяч фуфаяк, 10 тысяч полушубков, 22 тысячи пар носков и варежек, семь тонн сушеного мяса, средства на постройку танка Т-34. Быстро разгрузили драгоценную поклажу с помощью военных. Караванщикам объяснили, что подарки из Монголии будут тут же отправлены на фронт солдатам. Отдохнуть в Бийске удалось лишь несколько дней. Там Лувсан познакомился с двумя русским девушками, Тamarой и Вале́й. Жалел, что не запомнил их фамилии: ведь в Монголии всех зовут лишь по именам. Потом ему не раз доводилось проезжать через Бийск, но больше свидеться с ними не удалось.

А зимой 1942-го, несмотря на военное время, русские вновь загрузили верблюдов пшеницей, пшеном, мукой и сахаром, которые караванщики доставили в Монголию. Домой погонщики, вновь преодолев путь, длиной в 1030 километров, вернулись лишь 5 мая.

Поездка запомнилась Лувсану на всю жизнь. Она научила его терпению и находчивости в преодолении трудностей. В дороге он познал отзывчивость русских и алтайцев, их желание помочь в трудную минуту. Имеются сведения, что зимой 1943-44 годов из Монголии в Бийск было сделано 18 тысяч верблюдоходок. За годы войны дружественная страна поставила Советскому Союзу 485 тысяч лошадей, в том числе 30 тысяч в качестве дара монгольских аратов, а также средства на выпуск авиационной эскадрильи «Монгольский арат». Каж-

дая пятая шинель, которую носили советские солдаты и офицеры в годы войны, была изготовлена из шерсти, обработанной монголами. В помощь Красной Армии соседи направили материальных ценностей и продукции сельского хозяйства на сумму 65 миллионов тугриков.

Именем самого большого в истории Великого Шелкового пути каравана дружбы ныне назван фруктовый сад в сомоне Манхан Ховдского аймака Монголии. А 4 сентября 2007 года главный погонщик, Герой труда Монголии Борондонгийн Лувсан награждён медалью Алтайского края «За заслуги в труде» за «высокие профессиональные достижения, многолетний добросовестный труд во благо Алтайского края и в связи с 70-летием со дня образования Алтайского края». В семье Лувсана также хранят как реликвию колокол, который висел на шее большого верблюда.

Любой начальник в Монголии – от губернатора аймака до войскового командира, от буддийского священника до бригадира, – называется дарга. Лувсан тоже смолоду был даргой. Работал в ревсомоле. Потом служил в монгольской армии, воевал с японцами, а по возвращении домой многие годы руководил советом сомона – должность, аналогичная председателю сельсовета или главе администрации сельского поселения.

Занимался этой работой долгих 47 лет. Наверно, хорошо трудился, если стал Героем труда Монголии. Пять раз избирался депутатом Великого народного хурала страны, был членом ЦК Монгольской народно-революци-

онной партии. Кроме знака Героя труда, награждён тремя орденами Сухэ-Батора. Эта награда, как мне объясняли, имеет очень высокий статус. В Монголии всего два-три человека имеют такие награды. Совсем мало и тех, кто, как Лувсан, носит на груди и российскую медаль Жукова.

На видных местах в его доме висят снимки, где он в составе монгольской делегации сфотографирован рядом с руководителем Китая Мао Дзедунем. Хранит он и кадры, на которых зафиксированы его встречи с генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Брежневым и руководителем Монголии Юмджигийном Цеденбалом. Этих людей уже нет несколько десятилетий. Новое поколение, возможно, и не знает таких имён. Но многие думают, что историю делают короли, ханы, императоры, генсеки, президенты. Однако он убеждён, что её вершат учёные, философы и люди труда. Такие, как Лувсан!

Мы общались с ним несколько долгих часов. Много беседовали, закусывали очень вкусными домашними мантами-сомами качественную водку-архи «Чингисхан». К сожалению, собеседник уже позабыл русский язык, и нашим переводчиком выступала Дэлэгням Нямаа – помощник губернатора Ховдского аймака по международным связям, отлично владеющая русским языком и очень любящая Россию. Между прочим, выяснилось, что её отец и Лувсан хорошо знали друг друга и работали вместе.

В домашней библиотеке хозяина я видел немало книг на русском языке. В том числе и о Барнауле.

В его большой семье, насчитывающей пять детей, 70 внуков, правнуков и праправнуков, многие знают наш язык, Россию, следят за событиями в ней. Наш 83-летний собеседник, многое повидавший в жизни, говорил нам, что монголы сожалеют о том, что в последние годы русские проявляют недостаточный интерес к их стране, и надеются, что сотрудничество возобновится. А завершилась наша встреча традиционно – совместным исполнением песни «Подмосковные вечера».

Лувсан оставил впечатление человека очень искреннего, простого, лёгкого в общении. Таким я лично и представлял монгольского даргу – много потрудившимся в жизни и хорошо познавшим её.

Чтобы лучше понять характер занятий Лувсана, надо отметить, что в Западной Монголии его увлечение не является популярным. Скорее, экзотическим, редкостным. Потому что жители здешних мест привыкли к безлесным горам, к отсутствию деревьев у юрт. Камни, песчаник, жёсткая трава да верблюжья колючка – вот обычный монгольский пейзаж. Мне поясняли, что местное население любит и чтит окружающую природу, считая, что не дело человека изменять её. Хотя в XIX веке под воздействием живших здесь в ту пору маньчжуров, некоторые монголы выучились выращивать фруктовые деревья, а также бахчи и овощи. Однако это занятие не является повсеместным, массовым.

О китайском присутствии в Ховде свидетельствует и старое-старое дерево, в самом центре города. О возрасте этой достопримечательности говорят разное:

от 200 до 300 лет. Тополь сильно накрён, но корни всё ещё крепко удерживают его в каменистой почве.

За десяток дней, проведённых в Монголии, мне удалось лишь дважды видеть настоящие парки, и единожды – у Лувсана – сад. Тополиный парк раскинулся неподалёку от реки в городе Ховде. Мне назвали имя уже ушедшего от нас человека, поднявшего его, – Бимбаа. К сожалению, я так и не выкроил время, чтобы встретиться с его дочерью, работающей библиотекарем. Как бы то ни было, хвала Бимбаа, который сначала создал питомник для тополёвых саженцев, потом соорудил систему арыков, без которых высаженные здесь человеком деревья просто не растут, а потом выходил их.

Замечу, что тополя в парке какие-то особенные, с узкими листьями. Мне рассказывали, что деревьям всего каких-то два десятка лет, но по виду этого не скажешь: во-первых, они вымахали ввысь на десяток метров, во-вторых, их действительно старит грубая, серая, какая-то скрученная кора на стволах.

Впрочем, и Лувсан показывал мне величественные тополя у своего дома, которым всего-навсего семь лет, но выглядят они в несколько раз старше. Я отказывался верить в то, что деревья так молоды, однако мой собеседник продолжал уверять, что добился этого отличным поливом и добрым отношением.

Более полувека назад, в 1955 году, он вместе с единомышленниками принялся озеленять свой сомон. Было много трудностей: саженцы вытаптывал скот,

не хватало воды для полива, но уже несколько десятилетий здесь растут деревья. По словам Лувсана, парк изменил не только унылый сельский ландшафт, но даже и климат: воздух стал влажнее и прохладней.

А несколько лет назад его семья взяла в аренду 17 гектаров земли у реки, чтобы заниматься выращиванием фруктовых, декоративных деревьев и кустарников. Трудностей хватает: почва солонцеватая, случаются наводнения и засухи, не все саженцы выживают на прокалённой жарким монгольским солнцем каменистой почве. Чтобы этого не случилось, каждое деревце надо ежедневно полить не менее шести раз.

Лувсан напомнил, что даже в монгольском переводе русские слова «труд» и «трудности» – однокоренные. Саженцы занимают теперь почти всё его время. Здесь, на благоустроенной плантации, он трудится вместе с женой и двумя внуками. Проговорился, что иногда и ночует здесь, а не в доме или в юрте. Потому что крохотные робкие ростки требуют такого же внимания и заботы, как маленькие дети.

В почве за эти годы укоренились почти 30 тысяч саженцев. Тополя, облепиха, яблони, сливы, берёзы, шиповник, смородина, акация, японская сакура – десятки сортов и названий. Здесь нашли новую родину саженцы из разных районов Монголии, Китая, Алтайского края, Горного Алтая, Бурятии.

Бывает, ростки, которые так холит садовод, гибнут. Например, недавно у двух молоденьких кедров-хуш, привезённых к нему из Хангая, пожелтели шелковистые иголки. Но ещё два выжи-

ли. Как и те, которые выкопал в мае 2005 года на Семинском перевале Горного Алтая. Как десяток яблонек, присланных из Алтайского научно-исследовательского института садоводства Сибири имени Лисавенко.

Даже без перевода я понял, что Лувсан просит передать приветы Владимиру Бурому и Станиславу Хабарову – бывшим руководителям опытного хозяйства и НИИ садоводства в Горно-Алтайске и Барнауле. А также всем, кто откликается на его просьбы выслать семена или саженцы для озеленения дальней монгольской провинции.

Я спрашивал садовода, предназначены ли его саженцы на продажу. Он отвечал, что выращивает их для себя, для собственного сада.

– Но могут ли люди купить их у вас? – допытывался я.

– Раньше я дарил саженцы землякам. Случалось, что они у них погибали. Некоторые даже сердились, что я даю им плохие саженцы. И я стал делать по-другому. Теперь трудолюбивым людям я даю саженцы бесплатно. А лентяям – нет. Беру с них деньги. Я знаю, что если подарю им – саженцы погибнут. А если за тугрики – маленькие ростки будут хорошо расти.

Среди зеленых плантаций Лувсан собственными руками соорудил два мемориала. На одном из них вырезал имена своих земляков, которые участвовали в войне с Японией. В том числе и своё. На другой попытался для молодого поколения сомона показать богатую 800-летнюю историю монгольского государства и её главного героя – Чингисхана.

Но у новой Монголии – новые проблемы. Одна из них – опустынивание. Ей способствуют неблагоприятные природные факторы, а также массовое развитие козоводства. Эти животные буквально уничтожают и без того нещедрый травяной покров в горах и долинах. Поэтому принята государственная программа, получившая название «Зелёная стена». Чтобы предотвратить превращение горных ландшафтов в безжизненную пустыню, предполагается взрастить нечто вроде российских лесополос. Стена из деревьев должна стать защитой

от этой безрадостной перспективы. И такие люди, как Лувсан и Бимбаа, доказали своим подвижничеством трудом, что Монголия может стать зелёной страной.

...Откровенно сказать, больше всего меня поразило то, что Лувсан вновь приглашал своих новых русских друзей к себе в гости, уверяя, что в следующий раз он непременно будет угощать нас яблоками. Мы искренне верили в это, словно не замечая, что Лувсану уже 83 года. Так хочется, чтобы он сдержал своё слово!

И вправду, ровно через год я вновь был у него в гостях.

ЭКСТРЕМАЛЫ–ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Есть сведения, что Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая ежегодно посещают до 50 миллионов туристов, а российскую Республику Алтай – почти миллион. А в граничащие с ними Баян-Ульгийский и Ховдский аймаки Монголии приезжает всего-навсего около трёх тысяч путешественников.

Но это – особая публика. Предпочитающая сладкому дорожно-гостиничному комфорту пыльное бездорожье Джунгарской Гоби и непроходимое нагромождение скал, неистовый солнцепёк, способный изжарить яичницу на камнях, и жуткие ночные холода. Кажется, что небо здесь раскинулось из края в край – так, что не поймешь, где всходит и садится дневное светило.

Люди, рискнувшие преодолеть трудности и восхищаться красотами пути, не боятся суры – болезни горных перевалов. Они стремятся познать страну древ-

них тайн с оленными камнями и надписями на мёртвых языках, сакральными обо и нетающим льдом горных вершин. Здесь не принято спрашивать расстояния: ответ следует всегда один – рядом. И счёт ведется не в километрах, а в днях пути.

Монголия остаётся одной из самых востребованных стран для путешественников-экстремалов. Кого только мы не встречали за десяток дней на пыльных горных дорогах: англичан, голландцев, поляков, американцев, немцев, латышей, ну и, естественно, неугомонных соотечественников.

Семья из Нидерландов наняла КамАЗ, чтобы доставить в его кузове джип к подножью Алтын-Хухий – священной горы монголов. Чета седовласых янки где-то раздобыла ретро-автомобиль, поглазеть на который собралась большая толпа тщательно скрывавших удивление монгольских мужчин. Однако этой «антилопе-

гну», вероятно, тяжело дались дорожные препятствия, её сдали в ремонт в мастерскую у Ховдского базара, что едва не расстроило торговлю.

Лучшим транспортом экстремала, конечно, является российский УАЗик. Но есть любители езды на джипах, корейских грузовичках и даже верблюдах и конях.

Двое ребят из Риги и группа поляков предпочли передвигаться на мотоциклах. Первые – на австрийской модели КТМ-950, которую любят участники ралли Париж-Дакар, двигались к Австралии. Вторые – на трёх российских ИЖах прокладывали путь от Улан-Удэ через Горный Алтай и Казахстан. Латыши Янис Клавиныш и Андейс Пиканс уже проехали пол-России, Северный Казахстан, сотни километров монгольского бездорожья. А впереди у них ещё пустыня Гоби, Китай – с севера до юга, Лаос, Камбоджа, Таиланд, Малайзия, Сингапур, Индонезия – и через всю Австралию – на юг, к Мельбурну. Путешественники намерены вернуться в Ригу в конце декабря, к католическому Рождеству.

Янис Клавиныш и Андейс Пиканс, уже преодолевшие семь тысяч километров, тепло отзывались о встреченных ими в пути россиянах. Но с прибалтийской педантичностью не преминули отметить недостатки: взяточничество гаишников на российских дорогах (в Монголии этой службы вообще нет), и «палёный» российский же бензин. Эти «родовые» болезни также отмечали и иные наши зарубежные собеседники. Мы и сами пострадали, заправив, возвращаясь в Россию,

УАЗ в Баян-Ульгии и Ташанте поддельным горючим. Надо ли говорить, с каким трудом машина преодолела перевал Чекет-Аман, сколько нелестных слов было произнесено нами в адрес российских «королей бензоколонок». Ещё одно серьёзное препятствие – преодоление путешественниками таможенного поста на российско-монгольской границе. Это ведомство не придумало ничего лучшего, чем устроить досмотр вещей на высоте второго этажа, куда челноки вынуждены поднимать тяжеленные сумки и баулы. А ведь, по словам руководителей Баян-Ульгийского аймака, до пятисот мелких предпринимателей осуществляют приграничную торговлю в Кош-Агаче.

Европейцы в Монголии сразу приметны. К сожалению, в последние годы российских туристов и командированных все чаще принимают за американцев. По крайней мере, непосредственные монгольские ребяташки, завидев тебя, спешат поприветствовать коротким «Хелло». Но ведь каждому не объяснишь, что ты – россиянин. Лучший выход – футболка с надписью «Россия».

1-го сентября 2006 года, в день начала занятий в Ховдском университете, я познакомился с преподавателем немецкого языка. Девушка Катя оказалась бывшей соотечественницей, вышедшей замуж за гражданина Германии.

Через несколько дней на базаре судьба свела меня с немцем. Немножко владея немецким языком, я довольно быстро понял, что этот орнитолог и есть муж Кати. На странной смеси русских и немецких фраз мы поболтали

о многом, включая погоду. Так же легко находили общий язык с другими путешественниками, которые, как правило, владеют английским языком либо имеют

при себе разговорники. А местное население, особенно старшего возраста, трудно, но с интересом вспоминает подзабытые русские фразы.

УЙТИ ПО-РУССКИ

Ещё два десятилетия назад в Монголии работали тысячи советских специалистов. Они преподавали русский язык в учебных заведениях, работали врачами, строителями, ветеринарами. Особенно много наших соотечественников было среди геологов и специалистов горнодобывающих и горно-перерабатывающих предприятий Монголии. Благодаря СССР в МНР появились целые отрасли промышленности, такие, например, как цветная металлургия. Бийский мясоконсервный комбинат на Алтае работал на сырье, поставляемом из соседней страны. Причём скот гнали за сотни километров к месту слияния Бии и Катуня. Взамен специализированное автопредприятие «Совавто-Бийск» доставляло по Чуйскому тракту в Монголию промышленное и сельскохозяйственное оборудование, трактора, автомобили, многое другое.

Всё это рухнуло в самом начале 90-х годов прошлого века. Не было ни межнациональных конфликтов, ни секретных приказов, никаких внешних причин. Просто по инициативе российской стороны сократились до минимума контакты. Русские в одночасье бросили в Монголии то, что построили, то, что наработали за десятилетия.

Едва теплилась только приграничная торговля. В Кош-Агачском

районе Республики Алтай и в пяти сомонах Баян-Ульгийского аймака Монголии основным населением являются казахи. Они на основании соответствующих законов и межправительственных соглашений имеют льготы по упрощённому пересечению межи, разделяющей соседние государства. Это оказалось удобным и для приграничной торговли, которой занимаются сотни семей по ту и другую сторону Ташантинского погранично-таможенного перехода.

Горькие нотки по поводу оставления русскими Монголии звучали в словах многих моих собеседников, но наиболее ёмко говорил мне об этом проректор Ховдского университета Цедев:

– Это – трагедия для Монголии. Наши народы несколько столетий живут рядом друг с другом. Отношения не раз проверялись испытаниями: так было в Гражданскую и Вторую мировую войну. Это уже не только географическая близость, но ещё и духовное единство, основанное на культурных традициях. Ведь многие наши специалисты получили образование в СССР.

Нам трудно без России. Современные дети уже плохо знают русский язык. Приоритетным в Монголии становится изучение английского языка. А языку Пушкина и Достоевского в шко-

лах учат теперь лишь три года. Это неправильно. Особенно для Западной Монголии, тяготеющей к России. Ведь многие юноши и девушки мечтают получить образование в сибирских вузах, колледжах, училищах. Это оправданно и географически. Например, из Ховда и тем более из Баян-Ульгии удобнее и ближе добираться до Барнаула, чем до Улан-Батора. Откровенно сказать, и знания в российских вузах даются более основательные.

За последние годы, после ухода русских, в Монголию пришли китайцы, американцы, корейцы, турки. Но если советские несли с собой культуру и много строили, то от новых партнёров нередко остается только выжженная земля – и в животноводстве, и в промышленности, в других отраслях.

Китайцы, как известно, поставляют, в том числе и в Россию, пуховики. Козий пух для них выращивается в Монголии.

Китайцы поначалу платили за него высокую цену, а потом снижали её в несколько раз. В Монголии развели миллионы коз. Но эти животные, пожалуй, самые страшные для природы – выедают и выбивают копытами травяной покров, превращая пастбища в пустыню. Да и козьему мясу, имеющему специфический запах, монголы предпочитают баранину.

По тем же законам бизнеса, насколько я знаю, работают и инвесторы из США и других стран в горнорудной промышленности, вывозя к себе добытую руду, оставляя после себя безжизненные отвалы.

Как можно изменить положение во взаимоотношениях России и Монголии? Только через сотрудничество. Шире использовать возможности международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай», взаимовыгодное сотрудничество и народную дипломатию.

ПРИГЛАШЕНИЕ В ГОСТИ

Ситуация в экономике Монголии схожа с российской. После экономического спада и стагнации реформенного и переходного периодов начало нового века отмечено некоторым ростом валового продукта. Правда, серьёзным ударом для животноводства – основной отрасли аграрной страны, стала суровая зима 2002-2003 годов. По-монгольски эта беда зовется дзуд: когда из-за многоснежья, холодов и гололеда скот не может добывать копытами траву. В ту зиму только в Ховдском аймаке погибло 600 тысяч голов. Одна-

ко, по словам губернатора аймака Нямдаваа, в последующие годы удалось восстановить численность скота, по итогам 2006 года его численность перевалит за два миллиона голов – такого здесь ещё никогда не было.

Частная инициатива возрождает и другие отрасли. К примеру, в Ховде быстрыми темпами строится пятиэтажная элитная гостиница, которой городу явно недостает. Она возводится при участии строительной фирмы из Бийска, которую возглавляет Пётр Бурлаков. Есть и в Бийске совместное рос-

сийско-монгольское предприятие по выпуску муки. На базарах Баян-Ульгии и Ховда часто встречаются мешки с алтайской мукой. Также в Западной Монголии строятся две гидроэлектростанции. Одна из них закроет потребности трёх аймаков, пока же электроэнергией их обеспечивает российская энергетическая компания.

Впервые в истории Монголии в Ховде стали выпускать рыбные консервы. Я встречался с человеком, который организовал данное производство. Это Цеvegжав, руководитель фирмы «Алтай-Буян». Оказалось, что цех по переработке османа построен совместно с горно-алтайской фирмой, а оборудование для него приобреталось в Бийске и Барнауле.

Цеvegжав девять лет занимается предпринимательством. До того закончил Улан-Баторский сельхозуниверситет, работал там же преподавателем, потом увлёкся бизнесом. Выкупил Ховдский пищекомбинат, который практически бездействовал, дал работу нескольким десяткам человек. Ему удалось наладить производство качественных хлебопекарных и макаронных изделий, безалкогольных и алкогольных напитков. Организовал выпуск нескольких видов рыбных и мясных консервов, которые в том числе экспортируются и в Россию. Намерен заняться производством колбасы. Но без свиного жира трудно произвести качественную продукцию. А в Монголии не принято выращивать свиней, хотя употреблять свинину не возбраняется. Цеvegжав закупил двести свиноматок, получил приплод. Для обеспечения животных кормами занялся

огородничеством. На площади пять гектаров выращивает кормовую репу (прежде в Монголии она не культивировалась), кормовую морковь, другие корнеплоды, картошку и овощи.

Надежды на успешный бизнес вселяет и решение центральных властей о снижении НДС с 15 до 10 процентов. Занимается Цеvegжав и общественной работой – как депутат (гражданский представитель президиума народного хурала) Ховдского аймака, является членом оппозиционной партии «Родина». На рубеже веков у власти в Ховдском аймаке и в Улан-Баторе находится Монгольская народно-революционная партия. По словам собеседника, отношения оппозиции и власти складываются нормально.

Активно бьётся пульс экономической жизни в приграничном Баян-Ульгийском аймаке. Здесь, по словам Ержана, председателя президиума гражданских представителей аймака (руководителя законодательного органа), возрождены или заново введены мощности на медно-цинковом и вольфрамовом месторождениях (их осваивают американцы), начинается освоение угля и серебра, в чём потенциально намерены участвовать московские бизнесмены.

Я встречался с директором предприятия по добыче и обогащению вольфрама Хаумдасом, окончившим Пражский химико-технологический институт, бывшим сотрудником министерства горнодобывающей промышленности. Месторождение вольфрама обнаружили советские геологи, рудник строили и владели им монголы, затем его приобрели амери-

канцы, которые инвестировали в закупку оборудования около 300 тысяч долларов. Недавно Хаумдас заключил контракт с новосибирским заводом «Труд», специализирующимся на производстве горнодобывающего оборудования.

По словам моего собеседника, в Эрденете действует построенное СССР российско-монгольское предприятие «Монголцветмет», а около Улан-Батора российская компания добывает золото. Он считает, что резервы для сотрудничества с Россией огромны.

Эту оценку разделяет и Ержан. Возрождение горнодобывающей отрасли расширило потребность в специалистах. Руководитель законодательного органа аймака подчёркивал, что предприятия остро нуждаются в строителях, сварщиках, рабочих горных профессий. Он считает, что необходимо срочно открывать краткосрочные курсы по подготовке рабочих кадров на базе существующего профтехучилища.

С руководителем группы представителей Алтайского края, профессором АлтГТУ Михаилом Шишиным рассматривались конкретные вопросы подготовки специалистов. Наряду с курсами обсуждалась идея открытия частной школы и лица с углубленным изучением русского языка, частного вуза. Возможна и организация филиала технического университета, в котором студенты обучались бы несколько лет непосредственно на родине и два-три года – в Барнауле. Преподавать в этих учебных заведениях могли бы выпускники барнаульских вузов, уроженцы аймака – их насчитывается около 80 человек.

Отрадно, что подобные вопросы ставит именно монгольская сторона. Например, уже обсуждался вопрос снижения платы за учебу студентов. Пришла пора рассмотреть проблему организации чартерных полётов из Барнаула в Западную Монголию.

Есть и жители края, желающие поработать в соседней стране. Двое из нашей группы – супруги Софья и Александр Белокуровы – целый год преподавали в учебных заведениях Ховда. Однако вынуждены были возвратиться в Барнаул. Потому что не решены некоторые проблемы таких энтузиастов: отсутствует социальный пакет, не начисляются пенсионные, нет гарантии сохранения рабочих мест в России. Но российский регион подобные вопросы решать не вправе, это полномочия центральных органов власти.

Известная истина: свято место пусто не бывает. Прочные позиции, которые занимали когда-то наши соотечественники в Монголии, утеряны, но хочется верить, – небезнадёжно. Их можно завоевать вновь. Лучше всего, как показывает опыт, это делает частный бизнес. Недавно в Монголии был Владимир Путин: простил старые долги, обсуждал пути взаимовыгодного сотрудничества. Но, как подчёркивали мои собеседники, верх одержали силы, имеющие иные ориентиры. Достаточно сказать, что именно летом 2006 года начала осуществляться школьная реформа, предполагающая свертывание изучения русского языка. А без его знания затрудняются и контакты.

Складывается впечатление, что недооценивают Монголию и рос-

сийские дипломаты, и политики. Иные из них считают, что страна с числом жителей, равным населению средней российской области, недостойна их внимания. Они нацелены на Европу, большие государства. И не желают замечать, что Монголия граничит с почти всем югом Сибири. Да и рынок соседней

с нашим регионом страны ёмкий, спрос на российские товары высок. Поэтому удивительно, что алтайские товары, кроме муки, встречаются здесь нечасто. А главное – в Монголии живёт много людей, которые лояльны к России. Они искренне приглашают нас в гости – как старых друзей.

«МОЙ ДОМ – ВАШ ДОМ»

Не чаял, не гадал – снова оказался в Монголии. Ровно через год. И вот – новые встречи с монгольскими друзьями. Первым, улыбаясь, приветствует делегацию из Барнаула, прибывшую в Ховд поздно вечером 26 августа 2007 года, проректор местного университета Наванзооч Цедев. Остальные встречи со старыми знакомыми и новыми друзьями впереди. Ведь у алтайской делегации серьёзная миссия – проведение «Дней культуры России в Ховдском аймаке».

У монголов особенное отношение к гостям. Оно характеризует нравы, связанные с кочевой жизнью.

Пускаясь в дальний путь, монгол обязательно берёт ещё одну лошадь, но не кладёт в походную суму почти никаких запасов продуктов питания. Ведь монгольская пословица гласит: «Счастлив тот, у кого всегда бывают гости, и радостен тот хозяин, у жилища которого всегда стоят на привязи кони приезжих».

Поныне в монгольских семьях чтут эту многовековую традицию гостеприимства, поскольку каж-

дый кочевник или путешественник сам может нуждаться в пище и воде. Поэтому накормить и дать путнику отдых, покой либо даже лошадь или верблюда – это честь для арата, живущего в суровых климатических условиях. Кочевая жизнь выработала прекрасный неписанный закон гостеприимства «Мой дом – ваш дом».

Однажды нам довелось войти без приглашения в чужую юрту. Первыми проникли через приоткрытую низенькую дверь походного жилища кочевников сопровождавшие нас друзья-художники Гунталга и Гамбаатор. Они пригласили нас последовать их примеру. В дальнем конце (хотел написать – в дальнем углу, но в юрте отсутствуют углы) спал мальчик лет трёх-четырёх, остальные члены семьи скотоводов ухаживали за стадом верблюдов. Наши сопровождающие легко сориентировались в чужом жилище и принялись, в отсутствие хозяев, угощать россиян национальными блюдами. Причём это было так естественно, словно они являются членами семьи или ближайшими родственниками незнакомых аратов.

И вот уже в руках мужчин – пиалы с традиционным монгольским чаем, а затем и молочной самогонкой – архи.

У многих восточных народов угощение гостей начинается с чаепития. Классический монгольский чай готовится в казане – чугунном котле. В закипевшую воду бросают большую щепоть плиточного зелёного чая и доливают немного молока. Затем вновь доводят до кипения, после чего добавляют по вкусу соль, масло, немножко поджаренной ячменной или пшеничной муки, слегка обжаренного сала бараньего курдюка и костного мозга барана. Такой чай с молоком пьётся, конечно, без сахара. Белый цвет чая (по-монгольски слово звучит как «цай») по древней народной символике символизирует чистоту намерений. Чай с молоком свидетельствует об уважении, дружеских, искренних чувствах хозяев к своему гостю.

В юрте, которая приютила нас после утомительной дороги, также подали к чаю твёрдые кусочки теста, обваренные в бараньем жиру, знакомые нам как баурсаки, или, если угодно, как хворост.

К чаю гостям подают также разнообразные молочные продукты – цаган идэ – белые яства. Используется в равной степени, как минимум, три, а иногда и пять видов молока: кобылье, овечьё, коровье, верблюжье и молоко яков, также именуемых сарлыками. Отсюда и разнообразие видов молочной продукции – кумыс, айраг, всевозможные сухие сырки-пыштаг, творожники, густое масло и даже пирожные, изготовленные на основе сухого молока.

Самое популярное кушанье монгольской народной молочной кухни – пенки. Их готовят, долгим кипячением молока на слабом огне. После остужения толстый слой пенки осторожно снимают лопаточкой и выкладывают на деревянное блюдо, немного подсушивают и подают к чаю. Это блюдо особенно любят ребята и гости страны нагих гор, пустынь и бесчисленных отар скота.

Говорят, что безупречная белизна зубов и отсутствие кариеса у монголов связаны именно с употреблением натуральных молочных продуктов и минимума продовольствия из сахара. Белый цвет – цвет серебра и воды в Монголии – священный. Вода в пустынных горных долинах поистине драгоценна. Самые вкусные напитки подаются в серебряной посуде, а лучшие украшения изготавливаются из серебра.

Вслед за чайной церемонией приходит пора новых угощений, которые хранятся в высоком деревянном сосуде. Это архи – мутноватая жидкость – самогонка, выгоняемая из молока. Впрочем, и водка, продаваемая в магазинах, тоже называется архи. Недаром тех, кто занимается самогонварением, в шутку называют «архивариусами», а застольные занятия – «архиважными».

Архи варят в огромных количествах. Борьбу с алкоголем в Монголии долго и безуспешно ведут так же, как в России, со времён Чингисхана до наших дней. Но, как и прежде, любой дарга-начальник и рядовой арат встречают гостя большой пиалой или стопкой архи и только после приличной дозы приступают к обсуждению серьёз-

ных вопросов. «Казённая» или самопальная водка, как и в нашей стране, сопровождает каждого жителя Монголии от рождения до смерти. Я, например, был поражён

тем, как солидный дарга, прежде чем приступить к разговору с российскими гостями, молча предложил всем по полстакана водки, причём без какой-либо закуски.

ХОРХОГ, БОЗЫ И БОРЦОГ

Однако монгольская закуска совсем даже неплохая. Основу питания жителей скотоводческой страны составляет мясная и молочная пища. О молочной я уже рассказывал, мясная тоже весьма добротна, хотя и не отличается особенными изысками. К ней просто надо привыкнуть.

В Монголии почти нет жареных блюд. Это оттого, что жарить-то не на чем – в горах нет дров, как правило, блюда готовятся на сухом навозе – аргале. Поэтому самые распространённые блюда – варёные, приготовленные на пару, вяленые и копчёные. С давних времён сохранилась, например, простейшая технология – под седло наездника кладутся тонко нарезанные подсолённые кусочки мяса, которое уже через несколько часов готово к употреблению.

Самое экзотическое блюдо в Монголии – хорхог – особым образом приготовленное мясо сурката-барбана или козла. Животное вначале потрошат, затем набивают его же шкуру мясом, овощами и раскалёнными камешками.

Этот монгольский изыск мне так и не довелось отведать, а вот нечто похожее вкушал. Он готовится примерно по той же технологии, только вместо шкуры используется обыкновенная алюминиевая 40-литровая фляга. Прежде чем наполнить её содержимым, разводят костёр, потом раскалённые

камни кладут во флягу специальными клещами попеременно с крупными кусками баранины, а также картошкой, луком и морковью – овощи, корнеплоды, даже арбузы и дыни выращиваются в долинах рек. После того, как содержимое фляги «дозреет» на открытом огне, его предлагают участникам пикника. Хорхог употребляется, естественно, под архи. Впрочем, водку пьют и до приема пищи.

В любой обычной монгольской столовой можно заказать бозы. В русской кухне к этому блюду близки манты, только у наших соседей они готовятся из баранины. Признаки так называемой цивилизации коснулись и местной кулинарии. Так, нарубленное мясо в бозах заменяют фаршем, не свойственным монгольской кухне, иногда вместо начинки из сочной, ароматной баранины подают козлятину, обладающую специфическим запахом.

В этой стране существуют ещё несколько блюд, известных только её жителям. Например, борцог, приготовляемый из кусков мелко нарезанного теста, обжаренных в бараньем жире или масле, хурунга – из пахты с ржаной закваской, хальм-аг (смесь пенок и муки), пирожки с начинкой из сырого мяса и многое другое. Все эти блюда, может быть, не предназначены для гурманов, но уж точно готовятся из натуральных продуктов и весьма питательны.

Приезд делегации из Алтайского края, проведение Дней российской культуры всколыхнул Ховд, являющийся центром одноимённого аймака и негласной столицей Западной Монголии. Подробного мероприятия здесь не проводилось свыше двадцати лет. Уже и дату последнего приходится уточнять в архивах.

Кажется, последний раз Дни культуры в Ховде были в 1983 году.

Идею возобновить Дни российской культуры в Западной Монголии высказала Нямаа, координатор внешних связей Ховдского аймака, Михаилу Шишину, заместителю директора Института дизайна и архитектуры Алтайского государственного технического университета, который десять последних лет ежегодно бывает в этом аймаке. В том числе, в июне 2007 года он организовывал в Ховде работу 5-й международной летней школы студентов международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай». Так «народная дипломатия» делает реальные шаги к сотрудничеству.

Опыт проведения подобных мероприятий, конечно, подзабылся. Многие пришлось делать «с чистого листа».

Широкое общение с жителями аймака – вот тот способ, который позволяет добиваться желаемого возрождения в Ховде интереса к изучению русского языка. Недаром же, когда мы приехали в Монголию, на улицах нам говорили «хелло», а перед отъездом всё чаще можно было услышать «привет» или «здравствуйте».

Очень тепло восприняли монгольские партнеры программу кинофестиваля классики советских и российских фильмов.

Несколько вечеров кряду на центральной площади Ховда показывали художественное кино и мультфильмы для детей. Причём экран был установлен буквально над входом в здание, где работает руководство аймака. Монголы, непосредственные по натуре, высказывали нам благодарность за это новое знакомство с русской культурой.

Между прочим, на нескольких телевизионных каналах этой страны транслируют российские телепередачи, но немало времени занимают и западные фильмы. В рамках Дней российской культуры в Ховдском аймаке, которые проходили с 27 августа по 5 сентября 2007 года, транслировались советские и российские киноленты на местном телевидении «Ховд-Телевиз». Также монгольским зрителям были показаны телефильмы, снятые барнаульской телестудией «Катунь» во время предыдущих экспедиций по Западной Монголии. Например, о Герое труда Монголии Лувсане, о путешествии российских художников по Ховдскому аймаку, о выставке монгольских художников в Барнауле.

Очень позитивно воспринято монгольской стороной проведение курсов повышения квалификации школьных учителей русского языка и преподавателей Ховдского университета. Подобное мероприятие проводилось и в предыдущем году. Однако в этот раз в Монго-

лию приехали четверо профессоров из АлтГУ, АлтГТУ и Академии экономики и права, а также преподаватели барнаульских вузов, что, безусловно, подняло уровень проведения мероприятия. Несколько студентов филологического факультета Алтайского госуниверситета провели речевые занятия со своими коллегами из Ховдского университета, викторину «Удивительный мир русского языка». По окончании курсов двадцать педагогов получили удостоверения государственного образца.

С 2006-2007 учебного года в Монголии осуществляется реформа образования, в рамках которой в школах сокращается количество часов преподавания русского языка, вытесняемого английским. Обучение языку Пушкина и Толстого теперь охватывает лишь учащихся 5-7-х классов, в старших классах основной иностранный язык – английский, но можно на выбор как факультатив посещать и занятия по русскому языку.

Однако на конференции русистов, которая состоялась накануне в Улан-Баторе, подчёркивалось, что переход на английский весьма затруднителен, поскольку значительная часть научной литературы, используемой в Монголии, – на русском языке. А замена библиотечных фондов – дорогостоящее мероприятие. Тем не менее один

крупный американский банк тут же проявил инициативу – финансово стимулирует переход на обучение английскому языку. А это не только стипендии, но и оборудование, наглядные пособия. Россия же отстранилась от подобных акций, не выделяет средства на изучение русского языка за рубежом. К примеру, отсутствуют или устарели учебники русского языка для иностранцев, в зарубежных школах и вузах нет современной методической литературы и видео-аудиоматериалов по русскому языку. Сведения по страноведению скупы, хотя в той же Монголии живо интересуются жизнью россиян.

Кстати, совместные социологические исследования барнаульских и ховдских учёных показывают, что студентов всё больше интересует англоязычный мир, чем ситуация в соседних государствах. И тем не менее в личных встречах монголы сожалеют, что Россию больше интересуют большие страны Европы и Америки, а не ближайшие соседи, искренне заинтересованные в сотрудничестве. Ведь несколько поколений иностранцев неплохо знает русский язык, помнит наших соотечественников и надеется, что «русские ещё вернуться». Так уже не раз было в истории наших взаимоотношений...

УНИВЕРСАЛЬНОЕ СРЕДСТВО

Верно, что самым универсальным языком общения является искусство. Иллюстрацией того, что в Монголии существует естественная тяга к России, стало проведение вечера поэзии, на котором звучали стихи русских и монголь-

ских поэтов.

Кульминацией вечера было исполнение всей аудиторией советских и русских песен «Подмосковные вечера», «Калинка», «Гуляет по Дону казак молодой» и других.

Важными вехами проведения Дней российской культуры в Ховдском аймаке стало открытие двух выставок – презентации проекта «Золотое кольцо Алтая» и работ барнаульского художника Сергея Боженко.

Проект организации маршрута вокруг Алтайских гор «Золотое кольцо Алтая» охватывает территории соседних регионов четырёх стран – России, Монголии, Китая и Казахстана, проходит через опорные точки: Барнаул – Горно-Алтайск – Баян-Ульгий – Ховд – Урумчи – Усть-Каменогорск – Барнаул. Летом 2007 года по этому маршруту впервые прошла экспедиция, которая показала, что он очень увлекателен, но предстоит ещё решать вопросы организации туризма, в частности, сервисные.

А Сергей Боженко в здании Ховдского университета представил на суд зрителей серию портретов, написанных им в России и Монголии. В галерее работ, выполненных в графической манере, показаны губернатор Ховдского аймака Нямдаваа, представители монгольского учительства, культуры и искусства, дети, а также наши земляки.

Накануне презентации я поинтересовался у Сергея Алексеевича, почему он, будучи в Монголии, работал над портретами, а не над изображением прекрасных пейзажей? Тот ответил, что накануне уже посещал эти места и запечатлел монгольские красоты в масляных этюдах, а в Ховде

решил написать серию портретов. Потому что именно общение глаза в глаза позволяет лучше понять людей – это и есть то, что называется народной дипломатией.

Одна из главных задач Дней российской культуры в Ховдском аймаке, которые явились составной частью совместных планов межгосударственного координационного совета «Наш общий дом – Алтай», – установление многосторонних связей между различными организациями. Обсуждались совместные проекты – экономические, культурные, научные...

Широкие контакты осуществляют алтайские вузы с родственными организациями Монголии. Безусловно, будут расширяться их двусторонние связи: наряду с ежегодным проведением летней школы студентов и курсов для преподавателей русского языка планируются, к примеру, совместные археологические и ботанические экспедиции.

Закладывается интересное исследование по такому уникальному явлению в культуре тюркских и монгольских народов, как сказительство. В Монголии оно называется «тульчи», а у алтайцев, например, – «кайчи». Предполагается проведение совместных исследований этого феномена. Ведь сказитель – это квинтэссенция культуры. Он несёт в себе величайшую интуицию и древнейшие знания. Это одновременно и литература, и философия, искусство и музыка.